

БУТЫЛЬ

Из цикла «Записки неопита»

Однажды встретил я друга одного из литераторов, который славился своим скандальным, неукротимым нравом. Я бы, конечно, и своё мнение добавил, что на мой-то взгляд — это был наипрекраснейший человек, но как бы, для нашего времени уж с очень обострённым чувством справедливости. А выражалось оно в опровержении любых высказываний и мнений, некоторые из которых, право, бывали и не так уж плохи. Во многом это объяснялось тем, что человек он был сам по себе задорный и энергичный, да и годы его ещё как следует не пригнули. Куда ж энергию-то девать? Хотя, говорят, подобные люди к старости ещё хуже становятся. Но это уж постороннее мнение...

— Здорово, друг, чем дышишь? — рявкнул он, крепко пожимая мою руку (такие любят немного задержать кисть руки своего приятеля и, чувствуя игру силы своей так слегка притиснуть, чтоб непременно хрустнули косточки друга... и только после этого с чувством полного уже удовлетворения отпустить на волю его).

— Да как сказать, дышу тем же, что и все», — ответил я, давая понять видом своим, чем же дышат все... Как раз в то время в округе горели леса и город был в дыму, как лягушка в молоке, за тем исключением, что дым всё-таки не молоко и город не лягушка; и дым имел свойство быть гуще а, при наличии ветра, — реже.

— А не пора ли нам скрасить сию мрачную картину? — прозрачно намекнул друг.

— Ну, скрасить так скрасить, — согласился я, подумав при этом, что всё равно день пропал и всё что я мог в этот день сделать, я уже сделал, а что не сделал, то уже, наверное, всё равно не сделаю.

На этом ощущении я вполне успокоился и мы тут же направились в ближайшую забегаловку. Кафе называлось «Бутыль» с подзаголовком: «Здесь ты получишь всё» Подзаголовком попутчик мой остался категорически недоволен, но тем не менее, мы зашли.

В кафе дыма было не меньше, чем в городе, но здесь он разбавлялся различными винно-жареными запахами, ради которых можно было и остаться. Взяли мы по сто грамм водки, два бутерброда с колбасой и бутылочку лимонада, твёрдо и единогласно решив, что пиво сегодня будет только во вред, поскольку начинаем с водки.

— Ужас — в такую жару водку пить! — выдохнул я, и друг мой согласился. И вот некая обманчивая волна подхватила весь мир... и нас, естественно, потянуло на «философию».

— А теперь ты мне скажи — промолвил писатель, вытаскивая из кармана пачку сигарет (название было оторвано вместе с верхней частью пачки) и кинул на столик зажигалку.

— Здесь не курят, — заметил я.

— Нет, ты мне скажи, — продолжал он, — отчего это они решили, что здесь я получу ВСЁ? И что значит это — ВСЁ? В их узколобом понимании выпить — это и есть ВСЁ?

— Ну, может, ещё кое-какие услуги имеются... — подзадорил я приятеля.

— Дурак ты!» — тут же парировал он. — Я, конечно, не отказываюсь от этих ихних услуг, но это же не есть ВСЁ!»

— А тебе непременно ВСЁ подавай?

— Да они ж сами обещают...

— Ну, вот теперь и ты дурак...

И неизвестно чем бы кончилась наша горячая перепалка, как вдруг дверь забегаловки распахнулась и в неё буквально ввалился местный поэт Голдман. Затравленно озираясь, будто попал в некую западную «папаши Коломбо» он пытался отдышаться от своей обычной быстрой ходьбы и едкого уличного дыма. И тут (конечно же) в прицел своих круглых очков он увидел нас:

— Ё-моё! Что за люди! — затараторил он, направляясь к нашему столу.

Решили ещё выпить, только в силу своего нежного лирического характера Голдман водку пить отказался (поскольку жара) и остановился на стакане сухого. Мы же продолжили...

— Единственно, чтоб не делать ерша — пояснил мой друг нашему и без того всё понимающему поэту.

Между тем дискуссия разгоралась. Теперь уже и стихотворец включился в неё:

— Нет, ребята, так дело не пойдёт (и «ребята» в его устах звучало как «гибята»). Вы сначала определитесь, что для вас в жизни главное — духовное или материальное, а потом уже и вопрос ставьте!

И немедленно, почему-то он выяснил, что я — за духовное, писатель — за материальное, а сам он, поэт — за синтез... И какая-то в этом чувствовалась несправедливость! Выходило так, что, вот для сравнения, я не могу и материальным насладиться? Закусить, например? А писатель к духовному прикоснуться не может? И только поэт у нас в полной гармонии пребывает — и с духовным, и с материальным в ладах!? ...Решили выпить опять... И тут писатель сразил меня, что называется, на корню!

— Осуждать не надо! — вдруг выпалил он — даже мысленно! Вот случай со мной был...

И рассказал он один эпизод из жизни своей, который даже на время отрезвил меня и привёл впоследствии к долгим раздумьям. Поэт же сделал вид, что давным-давно всё это для него не новость. Вот эта история:

— Поехал, как-то раз, я в Печёры за водой на источник — начал необычно смиренно (совсем не в его духе) писатель. Как полагается там — очередь, человек в десять. Естественно все стоят тихо, с пониманием, что место святое — ни курить, ни сорить (нельзя!), ни, тем более, ругаться... Не дай Бог! И вот, представьте, идут с тележкой два парня, видно, что поддатые. И видно, что местные, — из деревушки, что при храме. Одежда вся в наплывах цементного раствора, в тележке две бадьи под воду — ясно — стройка у них идёт, а вода (из святого-то источника!) им для стройки, для раствора только и нужна. А я эту воду даже кипятить для чая домашним не даю. Святая ведь! Пейте так на здоровье, а для готовки, воды, что ли, мало? Святую воду пить надо с благоговением. Она же исцелять может! Это же своего рода лекарство, Богом данное! Как же на лекарстве вы суп варить будете? А не оскорбите ли тем самым Творца? Он же эту воду, эту чистоту звенящую для вас с любовью великой из камня произвёл... (видно было — разошёлся писатель, аж слёзы выступили). Так вот подходят они к колодцу, а между собой — мат-перемат, все аж остолбенели! Без очереди (местные ведь!) прямо передо мной налить стали свои бадьи. И все молчат, будто в гипнозе. Только потом,

когда они отъехали немного, все как-то разом заговорили, а я промолчал, не осудил их вслух, значит. А мысли-то, как огонь! Думаю, как это Господь дал таким вот пьяным матерщинникам святую воду налить!? Да их и близко бы не следовало подпускать! Вот с такими негодующими мыслями стал я подставлять свою бутылку под струю. А низ-то в колодчике бетонный был. И как это я тогда не рассчитал, — всегда наливал — ничего, а тут — дзыньк... и раскололась моя бутылка на большие такие стеклянные куски (тогда не было ещё пластиковой посуды). Так вот мне Господь мгновенно ответил на молчаливое осуждение моё! И словно бы зажглись тогда у меня в сердце слова Священного Писания: «Придите ко Мне все труждающиеся и обременённые...» Понимаете, ВСЕ! И грешники и святые! ВСЕ! Всем Господь даёт Благо Своё: и низким и высоким, и грешным и святым! ВСЕМ!!! И уехал тогда я почти без воды... Почему почти? Да ведь дали мне богомольцы маленькую бутылочку водички. И здесь Господь не оставил...

Некоторое время пребывали все мы в молчании. Вот выдал, писатель! Только я хотел своё впечатление высказать, а поэт уж опередил меня:

— Да, да! Вот видите! Вот вам ещё подтверждение! Всё не зря. И Господь везде. И здесь, в забегаловке этой, — тоже. Ведь видите, мы здесь и выпили, и о духовном поговорили... Выходит, и название, и подзаголовок, — всё в дело. Всё не зря...

— Ну ты, лирик, палку-то не перегибай! Не здесь бы, конечно, нам о духовном говорить. И не за водкой тоже, — грустно так заметил писатель.

— А я водку-то и не пил, — хихикнул поэт.

Как бы то ни было, вышли мы из кафе под названием «Бутылка» с подзаголовком: «Здесь ты получишь всё...» и долго ещё о чём-то рассуждали на дымной улице. Только о чём говорили, уже не осталось в памяти. Да и как до дому добирались, как потом выяснилось, никто не помнил, за исключением стихотворца, конечно же...

БЕРЕГ

В этот вечер Михаил гнал, как ужаленный. Конечно, если можно назвать «гонкой» какие-то 100 км/ч на стареньком, потрёпанном «Москвиче» по опустевшим вечерним улицам города. Он словно боялся опоздать на место встречи с любимой девушкой. Именно сегодня, какое-то странное чувство гнало его на берег реки. Это дикое место, где кончались ровные, бетонные плиты набережной и начиналось фантастическое нагромождение камней, расколотых плит и прочего крупногабаритного стройматериала он посещал уже сорок лет. Как странно, что за сорок лет ничего не изменилось тут! Совсем недалеко, за поворотом на набережной давно уже кипела неудержимая молодая жизнь — мигали разноцветные огни ресторанов, баров и кафе. Гремела музыка, толпами гуляла молодёжь... А здесь, словно в совсем ином измерении стояла мёртвая тишина, и только тихий плеск волн да крик одиноких чаек напоминал о том, что тут ещё местами реально осталась настоящая земля...

Как странно, но именно здесь «жизнь кончилась» для Михаила. Это было ровно сорок лет назад. И сегодня был своеобразный «юбилей» этому событию. Может, поэтому-то и гнал Михаил, хоть о «юбилее» вовсе не думал. Но видимо, в особых случаях кто-то думает за нас, и мы совершаем совсем неожиданные, казалось бы, поступки...

Перед глазами у него раскручивалась четыре десятка лет назад здесь случившаяся катастрофа. Для постороннего глаза — это была мелкая дорожная авария, где мотороллер врезался в грузовик. Кто-то пострадал. Приезжала «скорая помощь». И всё! Но Михаил видел... каждый раз видел и заново переживал это.

Они проезжали здесь с женой, совсем молоденькие (ему — 25, ей — 23) на мотороллере, беспечно распевали песенки и собирались завернуть на речку искупаться. Неожиданно (как это часто бывает) перед самым носом Михаила на дороге вылетел грузовик. Удар пришёлся в правое крыло «Газика». Михаил перелетел через капот, а Настя-жена всем телом упала на искорёженное уже, острое железо. Всё произошло в доли секунды. Но в эти доли секунды Михаил увидел всю свою жизнь.

Детство промелькнуло быстро, затем школа и знакомство с Настей. С этого момента, то есть со знакомства, и пошёл отсчёт жизни. Сознательной жизни, которую очень ценил Мишка — как нежно-ласково любила его называть Настя. Они влюбились друг в друга мгновенно, даже не с «первого взгляда», как говорят в народе. А словно некий небесный магнит включился и они примагнитились... да так крепко, что уже не могли оторваться.

Это была пора драк, разборок и потасовок. Дрались, что называется «улица на улицу». Парни оставляли своих девчонок дома и настрого запрещали им выходить в это время гулять. Другое дело Настёна, как называл свою возлюбленную Мишка. Она участвовала во всех мальчишеских побоищах, поскольку Мишкины возражения сразу были зарублены «на корню»: — Ты же Мишка пропадёшь без меня! А я без тебя тут же умру! С последним доводом Мишка никак не мог согласиться и разрешал Насте «только посмотреть» на драку. На деле, конечно же, всё было по другому: когда Мишка в потасовке элементарно получал по уху, Настя такого не могла стерпеть и бросалась напропалую защищать своего друга. Нередко, спасала его от «нокаута», а иногда, — вытаскивала бесчувственного из кучи дерущихся, чтобы не затоптали её любовь.

Сейчас Мишка-Михаил уже даже и не мог вспомнить: из-за чего дрались. Видно, просто некуда было энергию девать. А повод к драке разве трудно найти?.. Так вот и жили... отчаянно жили. Свадьбу сыграли «на все сто»!.. И вот, — такая нелепая смерть до безумия юной, красивой, искренне, жертвенно любившей Мишку Настёны... Тогда он совсем очумел и чуть не убил пьяного шофёра грузовика. Вовремя успели оттащить его водители из сразу же скопившихся машин... Сам-то Михаил только ушибами отделался.

После похорон, Мишка неделю ревел и пил — и снова пил и снова ревел.... А потом как обрезало: проснулся он как-то ночью, голова трещит, как арбуз, и только протянул руку к бутылке — почувствовал: шлёпнул кто-то ладошкой по руке. Поднял глаза: Настя стоит и плачет. Никогда не видел её плачущей, а тут...

— Настёнушка, — только и смог простонать Мишка. А она погрозила так трогательно пальчиком: — Не смей пить! — прошептала, — тебе жить, а мне тебя ждать. И что же ты Мишенька, место нашего расставания не навещаешь? Приезжай. Я там с тобой хоть рядышком посижу...

С тех самых пор и ездил Михаил на то самое место. Сядет на плитку, раздумается, глядя на волны... А потом чувствует — рядом Настя сидит, вздыхает легонько. И такая благодать в эти минуты найдёт на душу... А бывало, чувствует — нет Настёны, не пришла... и тоска-тоска такая — не выскажешь! Уж и соберётся Михаил уезжать, а слышит будто шаги торопливые, будто даже бежит кто-то... — Мишенька, родной — словно ветерок прошелестит... И снова тихо. И снова — тоска.

Как только потерял Михаил Настёну, стал потихоньку к храму прибаваться. Благо, по дороге на «их место» церковь была. Сначала только свечки ставил за упокой. Потом на службы приезжал. А затем уж и исповедовался, и причащался. Вот и до этой поездки, дня за три был на исповеди Михаил, причастился потом.

Долго сидел он на плитах. Солнышко уж в волны окунулось. Но нет как нет Насти... Видит, из-за поворота свет фар полоснул, как бритвой по глазам. И вот уж рядом машина встала. Свет тут же погас. Остался только силуэт громадного джипа. Через некоторое время вылезли, мате-

ряться через слово, трое «молодцов» и сразу же повернулись к реке нужду свою справлять. Потом, увидев Михаила, вразвалочку направились к нему...

— Это что за герой тут кукует? — насмешливо пробасил один, застёгивая штаны.

— Эй, лох, хочешь дам закурить? — прохрипел другой.

— А давайте, братаны, красоту ему наведём? — разбив наполовину пустую бутылку приблизился третий.

— Вот и моё времечко пришло — спокойно подумалось Михаилу, — хорошо, что Настя не видит. Эх, силы уж не те...

Извернулся Мишка, выбил ногой разбитую с острыми краями бутылку из руки бандита. Другому успел в пах ударить. И тут пошла карусель! Долго его пинали. Норовили всё по лицу, по голове попасть. И рёбрышки, и печёнку, и про почки не забыли. Прежде чем добить, решили перекурить.

А Михаил в это время в сознание пришёл. Разлепил он чуть-чуть один глаз (другой основательно кровью затёк) и видит: бежит к нему во весь дух его Настя, только волосы, как факел бьются на ветру. И закричал он ей изо всех сил, чтобы разворачивалась она, что бандиты здесь. Кричит он... а только хрип вместо крика вырывается из изломанной его груди... И тут вспыхнул свет фар из-за поворота и замигали красно-голубые огни. Засуетились бандюги, попрыгали в свой джип и рванули с места в другом направлении. За ними, так и не заметив лежащего в крови Михаила промчалась и полицейская машина. А Михаил снова потерял сознание.

Очнулся он и почувствовал, что будто капли дождя капают на его лицо. Пошевелился и сразу услышал Настин шёпот: — Очнулся, родной... Настя плакала и пыталась осторожно протереть оставшийся глаз Михаила. — Так вот какой «дождь» орошал его исковерканное лицо!

— Теперь ты на границе двух миров и поэтому можешь видеть меня — прошептала любимая. Теперь как Господь рассудит. Но я помогу тебе... Попробуй встать и мы дойдём до машины. Мишка попробовал отжаться от земли, но почувствовал такую боль, что чуть опять не потерял сознание... Настя, увидев всё это, прошептала ему: — Нет-нет, не надо... Давай хоть ползком, вместе дойдём до машины. И они поползли. Настя, как могла, подтягивала его и они страшно медленно, но стали двигаться к цели. И странную вещь стал замечать Михаил: когда уходила боль, он так ясно видел и ощущал руки возлюбленной, а когда возвращалась боль, Настю словно бы окутывал туман и он почти не видел её. Она прочла его мысли и сразу пояснила: — Это Мишенька ты балансируешь между жизнью и смертью, постарайся ещё маленько, и мы будем в машине.

Наконец, немислимыми усилиями они забрались в Москвич и тронулись с места. Настя внимательно наблюдала за Михаилом, а он старался «держаться» дорогу. — Пока доедем до обрыва, и дорога перед ним будет поворачивать направо, всё станет ясно — прошептала Настя. На самом деле она даже не шептала, а только подумала. Михаил уже слышал её мысли...

Вставало солнце, и невидимые его лучи уже поджигали зеркало реки. Так вот оказывается, как медленно они ползли и забирались в машину. Сколько уже времени-то прошло? — подумалось Михаилу, а казалось, быстро ползли...

— Вот скоро будет обрыв и теперь уже нам надо на другой берег — прошептала Настя и вдруг заговорила в полный голос: — Пока есть силы — гони!!!

Михаил, как мог, разогнал свой «Москвич».... — И не поворачивай! — крикнула Настя...

Только чайки могли видеть как летящая по дороге на запределной скорости машина, не тормозя, пробила ограждение и полетела.... над

рекой! А потом стала подниматься всё выше и выше и наконец, исчезла в золотых лучах восходящего солнца.

А в машине сидели и радостно улыбались юноша и девушка и само-забвенно глядели друг на друга...

— Ах, как долго я ждала тебя, любимый!

— А как я люблю тебя, Настя! — это только Богу известно!..

— Это известно, известно..... — пропел в ответ солнечный ветер.

Всю ночь к приёмному покою дежурной по городу больницы подъезжали машины Скорой помощи. — Тяжёлая ночь — пробормотал вышедший покурить хирург и зажёл сигарету. Машинально осмотревшись, он заметил старенький Москвич, который медленно подъезжал к дверям приёмного покоя. — Это что за новости? — возмутился врач и подошёл к машине, которая уже остановилась. Водительская дверка открылась сама, и из машины вывалился окровавленный человек. — Срочно в реанимацию! — истошно закричал напуганный хирург.

Долго потом обсуждали поражённые врачи этот случай и так не смогли ответить на вопрос: как мог доехать водитель до больницы с такими смертельными травмами...

— К тому же сердце у него остановилось за сорок минут до прибытия — повторял, как заведённый, старший хирург. И при этом важно и значительно поднимал вверх указательный палец.